М.А. Мельниченко

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ АНЕКДОТЕ 1920-х гг.

В.И. Ленин уже при жизни превратился и для коммунистов, и для их противников в персонифицированный символ РКП(б) и большевистской власти. В начале 1920-х гг., одновременно с созданием его культа, Ленин стал одним из центральных персонажей фольклора, в том числе политического анекдота. Нам удалось выявить четыре десятка анекдотов о Ленине, ходивших в 1920-е гг.: в дневниках современников, эмигрантских изданиях и других источниках.

Первые анекдоты возникли в период Гражданской войны. Правда, самая ранняя запись анекдота о Ленине датируется 1921 г.:

«Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бома, которые то портрет Троцкого «повесят», то изображение Ленина «поставят к стенке»[1].

Этот популярный сюжет очень характерен для своего времени. И с точки зрения жанра, и с точки зрения стереотипов общественного сознания. Во-первых, он приписывается «Биму и Бому». Значительная часть ранних анекдотов строится в виде диалогов этих двух клоунов, однако было бы слишком вольным допущением предполагать, что у знаменитого клоунского дуэта, созданного И.С. Радунским, в действительности мог произойти такой диалог на публике. В основе сценок дуэта 1917–1921 гг. были политические остроты, однако нам не удалось обнаружить заслуживающих доверия свидетельств, подтверждающих авторство клоунов. Во-вторых персонажами одного анекдота одновременно являются Ленин и Л.Д. Троцкий. В источниках того времени, при жизни Ленина, практически не встречаются тексты, в которых он не являлся бы спутником Троцкого. Оба вождя представлены равновеликими персонажами, членами единого политического образования. Противопоставлялись они только по этническому признаку. Троцкий в анекдотах олицетворял «еврейскую власть», а Ленин представлялся как единственный этнически русский большевик. Порою – как фиктивный вождь революции, «назначенный» для отвода глаз:

«Приехал к Троцкому отец, ортодоксальный еврей – посмотреть, как сынок живет. Тот повел его в Кремль: «А это что такое?» – «Кремль». – «А, кремул («магазин» по-еврейски) – это хорошо». Заходят во дворец, смотрят портреты. «Ну, это ты – хорошо. А это кто?», – и показывает на Ленина. «Да, гой один...» – «Как же сюда гой попал?» – «Да на него патент взят»[2].

Несмотря, кстати, на активную борьбу с антисемитизмом, инициатором которой выступил Ленин, и не раз высказанные им симпатии к еврейскому народу, слухи о его еврейском происхождении, активно муссировавшиеся в поздней антибольшевистской литературе, в политический фольклор не проникли. Более того, в анекдотах четко прослеживается тенденция к противопоставлению Ленина «еврейскому» партийному руководству, легко различимая и в информационно-аналитических сводках органов власти, и в частной переписке начала 1920-х гг.

Из прижизненных анекдотов о Ленине четыре возникли в период его болезни. В ряду довольно противоречивых диагнозов, поставленных медиками Ленину, был и сифилис. После курса лечения от этой болезни врачи отказались от этого диагноза, однако слухи о том, что у Ленина был «сифилис мозга», активно муссировались и в 1920-е гг., и позже. Некоторые сведения о состоянии его здоровья сообщались в нерегулярно публикуемых бюллетенях. И далее, обрастая подробностями, они превращалась в слухи и легенды. В анекдотах обыгрывалась самое характерное последствие его заболевания – паралич. Сюжеты очень разнообразны. От несложной игры слов («Какая болезнь у Ленина?» – «Пара-ильич»[3]), до «многослойного» сюжета с прямой отсылкой к «Былому и думам» А.И. Герцена и вписыванием болезни Ленина в общеисторический контекст 1923 г.:

«Достопримечательности города Москвы: пушка, которая не стреляет; червонец, который не звенит[4] , и премьер, который не говорит»[5] .

Основной массив анекдотов о Ленине сложился уже после его смерти. Собственно, именно она послужила началу, по точному замечанию О.В. Великановой, превращения ленинской харизмы в институт власти[6] . Анекдоты о Ленине второй половины 1920-х гг. в основном посвящены проводам его в последний путь, а также мероприятиям по увековечиванию его памяти.

Одним из первых, зафиксированным осведомителем ОГПУ, был анекдотический сюжет о попытке Ленина пробраться в рай:

«Ленин после смерти отправился в рай, но его не пустили. Возвратясь на Землю, Ленин обратился к Троцкому, и последний взялся провести его в рай, уложив в мешок. Троцкий спросил у сторожа, в раю ли Маркс. Ему ответили, что да, в раю. На это Троцкий сказал, что он принес кое-какое барахло Маркса, и под этим предлогом Ленин был передан по назначению»[7] .

В известных нам восьми записях этот сюжет варьируется: меняется персонаж-помощник (Троцкий/еврей/черт), характеристика предлога для передачи мешка с Лениным в рай (барахло/дивиденд на «Капитал»). Они ярко отражают острые для 1924 г. темы: смерть Ленина и усвоенные массовым сознанием идеи о связи ленинского учения с марксизмом. Однако содержащееся в одной из записей примечание («парафраза известного анекдота о Николае II»[8]) наводит на предположение, что анекдот возник много раньше смерти Ленина. Действительно, согласно утверждению А.С. Архиповой[9] , он восходит к чрезвычайно широко представленному в европейском сказочном фольклоре сюжету «Смерть и кузнец». Одно из самых известных его воплощений – сказка братьев Гримм «Брат Весельчак». Таким образом, в анекдоте нашел свое развитие фольклорный сюжет с многовековой историей, актуализовавшийся в конкретный момент истории и приобретший не свойственные ему ранее значения.

После смерти Ленина появились сюжеты о Ленине-«воре», отражающие восприятие большевистской власти как незаконной, «воровской»:

«Приходит «красный продавец» в свой магазин и видит – погром: все раскидано, разграблено, все вверх ногами. Были бандиты. «Ленин умер, а ленинизм остался», – сделал вывод торговец»[10] .

В анекдотах высмеивались мероприятия по увековечиванию памяти Ленина: возведение мавзолея, установка памятников, создание Ленинских уголков. Самой популярной стала серия про череду переименований, начавшихся, по сути, еще до смерти Ленина, но в массовом сознании связанных прежде всего с переименованием Петрограда в Ленинград. Довольно быстро появился сюжет о переименовании в честь Ленина сифилиса:

«Нет больше сифилиса! В признание революционных заслуг Ильича, сифилис переименовывается в Первую Красную болезнь имени Ленина»[11] .

Популярен был сюжет о прошении, поданном Д. Бедным, с просьбой переименовать собрания сочинений Пушкина в собрания сочинений Бедного:

«Демьян Бедный написал начальству такую заявку: «В связи с тем, что Петербург, основанный Петром I, за революционные заслуги Ленина переименован в Ленинград, прошу, если можно, за мои революционные заслуги творения Александра Пушкина переименовать в творения Демьяна Бедного»[12] .

Многие современники, враждебно или хотя бы скептически настроенные по отношению к Советской власти, на удивление прямолинейно воспринимали политические анекдоты. Кажется, они принимали за чистую монету фольклорные сюжеты, особенно касающиеся переименований. Похоже, и деятели эмиграции, и оставшиеся в России интеллигенты, оппозиционно настроенные, не могли или не хотели понять логику новой власти. Им проще было злорадствовать над лояльным большевикам С. Есениным, в пьяном состоянии якобы требовавшим поставить свое имя на собрании сочинений Пушкина (как это делал Брусилов[13]) или на полном серьезе бичевать советского цензора, выправляющего «петрографию» на «ленинграфию» (как это делал анонимный автор милюковских «Последних новостей»)[14] .

Популярны были и анекдоты о смерти Ленина как о первой смерти в ряду «желательных». Среди них первое место по числу записей принадлежит сюжету о посмертной фотографии Ленина:

«К нэпману приходят представители «Мозгико», предлагают купить в пользу инвалидов портреты советских деятелей. Сначала они предлагают ему отдельные портреты Троцкого, Дзержинского и т.п., но он отказывается под разными предлогами. Тогда они хотят всучить ему группу ВЦИК, но он и это отклоняет. Наконец, они показывают ему фотографию Ильича в гробу. Нэпман долго и любовно ее рассматривает и произносит с удовлетворением: «Вот это хорошо! Вот такую группочку вы мне приготовьте!»[15]

Распространенность этого сюжета – он даже лег в основу рисунка популярного эмигрантского карикатуриста М. Линского[16] – объясняется массовым и навязчивым распространением во второй половине 1920-х гг. портретов советских вождей. В том числе фотографии Ленина в гробу. Раздражение населения от этой кампании было так велико, что в 1925 г. ВЦСПС принял постановление о борьбе с навязыванием портретов вождей, значков и прочего подобного.

Смерть Ленина вызвала тысячи противоречивых откликов – от нескрываемого ликования до искренней, глубокой скорби. Однако общим для всех откликов стало напряженное ожидание, кто же станет его преемником. От Белоруссии

до Дальнего Востока в информационно-аналитических сводках ОГПУ о настроениях населения зафиксировано это ожидание. Больше всего люди опасались, что «на место т. Ленина будет назначен еврей, которые окончательно задушат русский народ (Так в тексте. – *М.М.*)»[17] . Наиболее вероятным преемником Ленина считался Троцкий, с которым народ связывал возможность эскалации еврейского засилья, начала войны, сворачивания нэпа. Рефреном во всех подслушанных агентами ОГПУ разговорах звучит мысль о том, что лучше бы умер Троцкий, а Ленин остался жив[18] .

Несмотря на отрицательное или настороженное отношение к Троцкому, он в общественном сознании 1920-х гг. представлялся как равновеликий Ленину большевистский вождь. Это отразилось на политическом фольклоре. В раннем советском анекдоте Троцкий как главный персонаж, как правило, не появляется: до 1924 г. в анекдотах одновременно фигурируют Троцкий и Ленин. Исключением являются только два анекдота. Вот один из них:

«Троцкий спит в палатке. Белые наступают. Часовой хочет разбудить Троцкого. Товарищем назвать не решается, а назвать Вашим Превосходительством тоже считает неудобным. Вдруг его осеняет гениальная мысль, и он начинает кричать ему в ухо: "Вставай, проклятьем заклейменный!"»[19]

Этот сюжет до этого уже фиксировался, но с Лениным в качестве главного героя. Его записала журналистка Е. Кускова, высланная в начале 1920-х гг. за границу. Но в остальных трех известных нам фиксациях героем является именно Троцкий. Так «равновеликость» этих персонажей в массовом сознании подтверждается их взаимозаменяемостью в анекдотах.

Фольклорное «сотрудничество» Троцкого и Ленина не закончилось со смертью последнего: некоторое время продолжали рождаться сюжеты об их политическом единстве, прочно укоренившемся в массовом сознании. От простых шуток в духе восприятия смерти Ленина как первой в ряду «желательных» («Ленин прислал Троцкому вызов: "Оказавшись на том свете, вызываю сделать то же самое т. Троцкого"»[20]), до анекдотов, рожденных уже в период разгрома «оппозиций» и укрепления единоличной власти И.В. Сталина. В них отразилась распространенная среди «оппозиционеров» убежденность в том, что Сталин искажает ленинское учение и преследует старых большевиков:

«Троцкий приходит у себя в ссылке с охоты, смотрит на портрет Ленина и говорит: «Эх, Ленин, Ленин, рано ты умер – охотились бы мы теперь с тобой»[21] .

Сюжет этот родился скорее всего в период алма-атинской ссылки Троцкого: именно там он получил возможность предаться одному из своих самых страстных увлечений – охоте. Описаниями собственных охотничьих подвигов полны его письма друзьям и единомышленникам. И именно из них тема охоты могла просочиться в политический фольклор. Вполне вероятно, анекдот и родился в среде его сторонников.

Близость Ленина и Троцкого подчеркивается и в сюжетах, возникших после высылки последнего за границу:

«Троцкий – на рыбалке в турецкой ссылке. Местный мальчик-газетчик, желая пошутить, выкрикивает: «Экстренное сообщение! Сталин умер!». Но Троц-

кий невозмутим. «Молодой человек, – говорит он, – это не может быть правдой. Если бы Сталин умер, я был бы уже в Москве». На следующий день разносчик газет предпринимает другую попытку. На этом раз он кричит: «Экстренное сообщение! Ленин жив!» Но снова Троцкий не попался. «Молодой человек, – говорит он, – если бы Ленин был жив, он был бы сейчас здесь, со мной»[22].

Этот анекдот был опубликован английским журналистом Е. Лайонзом в 1934 г., однако сюжет фиксировался с марта 1929 г. Более того, можно предположить, что он лег в основу строк из «Четвертой прозы» О. Мандельштама, написанных буквально через пару месяцев после высылки Троцкого за границу: «Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке, ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ходят Ленин с Троцким в обнимку, как ни в чем ни бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке»[23].

Анекдоты содержат отклики на все узловые моменты борьбы за власть, развернувшейся после смерти Ленина. В 1924–1925 гг. фиксируются сюжеты, связанные с болезнью Троцкого. Еще с начала 1920-х гг. у него были проблемы со здоровьем, однако к моменту смерти Ленина они уже не позволяли Троцкому участвовать в политической жизни с прежней активностью. Болезнь Троцкого стала для его политических противников предлогом для его отстранения от дел. И это было очевидно для современников. М. Булгаков записал в дневнике: «Троцкого съели, и больше ничего. Анекдот: «Лев Давидыч, как ваше здоровье?» – «Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет». (Намек на бюллетень о его здоровье, составленный в совершенно смехотворных тонах)»[24].

В анекдотическом фольклоре весть о выводе Троцкого из ЦК появилась за год до реального события. С 1925 г. фиксируется сюжет подобного содержания: «Троцкий теперь пишется «Троий» – ЦК выпало»[25]; «Троцкий подписывается теперь только ТРО, потому что ЦК был вынужден от себя откинуть (намек на то, что его выкинули из Центрального Комитета)»[26]. В действительности его вывели из состава Политбюро в октябре 1926 г. Но массовое сознание именно так восприняло весть об уходе Троцкого с поста председателя Реввоенсовета СССР в январе 1925 г., после чего до момента своего исключения из партии он занимал лишь второстепенные посты.

Основной массив анекдотов о Троцком был зафиксирован с 1924 по 1934 гг. Позже они будут переписываться из одной эмигрантской коллекции в другую, однако все фиксируемые в поздних источниках тексты будут или восходить к более ранним, обнаруженным нами, фиксациям, либо записавшие их люди будут относить их к раннему периоду. И это, на наш взгляд, объясняется логикой анекдотического жанра: одной из основных особенностей анекдота как формы передачи общественных настроений является мобильность, то есть сюжет на определенную тему может возникнуть лишь в момент обостренного внимания к данной теме и массово передаваться из уст в уста он будет лишь до тех пор, пока это внимание сохраняется. После вынужденной эмиграции Троцкий как бы вычеркивается из списка действующих лиц политической сцены. Одним из основных методов борьбы с «троцкизмом» стало молчание: роль Троцкого в советской истории не просто преуменьшалась – имя его вымарывалось отовсюду.

И механизм этот работал: память о Троцком очень быстро уходила на периферию массового сознания. Подобно тому, как в Большой советской энциклопедии появилась разгромная статья «Троцкизм», но исчезла статья «Троцкий», в актуальном политическом фольклоре продолжалось развитие «троцкистских тем», но сам Троцкий как герой, утративший актуальность, из анекдота исчез.

Примечания

[1] *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917–1924). Т. 2. М., 1997. С. 104.

[2] *Ефремов С.А.* Щоденники, 1923–1929. Киев, 1997. С. 63.

[3] Современный советский анекдот // Воля России. Прага, 1925. № 2. С. 55.

[4] 11 октября 1922 г. Госбанк получил право выпуска банковских билетов, обеспеченных золотом, валютой и товарными ценностями, получивших название «червонец», в то время как в народе под «червонцами» понимали золотые монеты номиналом в 5 и 10 рублей.

[5] Современный советский анекдот. С. 55. Ср.: «В Москве каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил». *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1973. С. 475.

[6] *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 178.

[7] Там же. С. 179.

[8] Современный советский анекдот. С. 56.

[9] *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* «Вот проценты за ваш капитал!»: к вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота (http://www.ruthenia.ru/document/545661.html)

[10] *Ефремов С.А.* Указ. соч. С. 76–77.

[11] Там же. С. 114.

[12] Там же. С. 87.

[13] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 325.

[14] *Отшельник.* Нажим на «культурном фронте» (письма из Петербурга) // Последние новости (Париж). 1924. 15 окт.

[15] Современный советский анекдот. С. 57.

[16] Сатира и юмор русской эмиграции. М., 1998. С. 138.

[17] *Кошелева Л., Тепцов Н.* Выписки из ежедневных спецсводок информационного отдела ОГПУ о реагировании различных слоев населения на смерть В.И. Ленина // Неизвестная Россия. Т. 3. М., 1993. С. 15.

[18] Там же. С. 15–16.

[19] Современный советский анекдот. С. 5.

[20] *Ефремов С.А.* Указ. соч. С. 93.

[21] *Шитц И.И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris, 1991. С. 82.

[22] *Lyons E.* Red Laughter // *Lyons E.* Moscow Caroussel. N.Y., 1935. P. 328.

[23] *Мандельштам О.Э.* Четвертая проза // Собр. соч. В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 191.

[24] *Булгаков М.А.* Под пятой (дневник и письма М.А. Булгакова) // Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 44.

[25] Там же. С. 52.

[26] *Ефремов С.А.* Указ. соч. С. 206.